

П. ЧЕРНОВ в ролях — Николая («Цветы живые»), Платова («Друзья и годы»), Бочарова («Беспокойная старость») и Васьки Пепла («На дне»).
Фото И. АЛЕКСАНДРОВА.

А З А Р Т ПРАВДОИСКАТЕЛЯ

ЛЕТ двадцать назад мастера МХАТа приветили молодого артиста Петра Чернова. Не хватало ему еще умения, но были и неподдельность переживания, и искренность, и взволнованность — бурлили нерастроченные силы. Но так ли это много для искусства, так ли это ценно — непосредственность юности? Как часто с исчезновением милых розовых ямочек исчезает вся актерская пленительность. И тогда огорченно вздыхаем: еще один (ох, как много их встречается на дорогах искусства!) голый король... А здесь вздыхать не пришлось. Наивные ямочки действительно ушли, но пленительность осталась.

То, в чем другие увидели бы цель, у него — средство. Неподдельность переживания? Конечно. Но не сама по себе, а для убедительности сценического персонажа. Взволнованность и искренность? Безусловно. Но для выражения каких-то важных проблем современности. Художник услышал зовы времени и выразил их. Выразил по-своему, в манере, присущей его индивидуальности, особенностям его артистической личности: в советском человеке, каким его играет Чернов, всегда чувствуются задушевность, лиризм, живое тепло.

Герои Чернова в своей первооснове едины: люди всепоглощающей идеи и горячего сердца. Им чужды внешний пафос и выпренность. Их идейность идет не только от разума, но и от души. Актер ведет рассказ о простом, полном значимости, о незаметном, таящем красоту.

С виду Чернов неприметен. Никаких особо «счастливых», выдающихся внешних сценических данных у него нет. Поэтому его герои легко сливаются с массой. Но в ней не растворяются, ибо каждый из них — личность.

Чернов привел на сцену людей ясного, устойчивого духовного мира. В них полыхает огонь веры в правоту нашей жизни, в них живет органическая любовь к своей стране.

Вот уж в ком, на первый взгляд, нет ничего выдающегося, так это в Володе Платове («Друзья и годы» Л. Зорина). О таком говорят: «свой парень»; добродушный, покладистый, веселый, энергичный, может быть, простоватый. Но это вовсе не простецкость, а высшая простота — та независимость духа, при которой человек разрешает себе всегда и везде быть самим собой. Мил он полнейшим отсутствием практицизма: привидывать да рассчитывать не способен. Ничего в меру он не умеет, горе — так до отчаяния, любовь — так беспредельная. Мил той щедростью, с какой отдает себя людям; такой в каждом доме свой, и в каждом ему рады. Чужая беда для него — своя. Весь он в жизни, и все ему в ней важно, и все настоящему интересно.

Платов Чернова еще только на пороге жизни, но общественный тонус его высок и горяч. А впрочем, может быть, это еще юношеское? И вскоре пройдет? Но идут годы, и при седых висках, после многих горестей — та же в нем вера. Обросший, похуевший, намучившийся, только что из окружения, а глаза горят тем же огнем. И пусть для скептиков смешно и непонятен этот задор вечного правдоискателя. В нем источник неистребимой молодости Платова: равнодушие, безразличие не могут воплотиться в его душу. Его вера в добро, в правду нашей жизни чиста и беспредельна.

В иных сочетаниях эти же черты характерны и для других созданий Чернова. Трагичен по колориту его Гуськов («Забытый друг» А. Салынского), но и здесь тот же общественный и нравственный максимализм.

Для черновского Гуськова самое трудное — убедиться, что обман, корысть, эгоизм все еще существуют. Что из того, что высшей ценой — жизнью — заплатил он за свое доверие и за свое прозрение. Его вера осталась непоколебленной: подлость для него — исключение, а не норма.

Не жалость вызывает эта смерть, а преклонение перед стойкостью воли.

Платов и Гуськов — идеалисты в высшем и лучшем значении этого слова. Для них нет ничего значительнее и важнее принципов советского гуманизма. Для обоих существует одна

вера, одна правда — и никакого компромисса.

В персонажах Чернова живет драгоценная черта — современность. Она и в оптимистическом звучании любых — даже трагических — образов. И в пронизывающей их идее утверждения добра. И в их соотносении с временем. Его герои не знают внутреннего разлада. Они могут против чего-то возражать, с чем-то не соглашаться, вступать в конфликт с кем-то из окружающих. Но не с самим собой. Высшая правда народа — это и их правда.

Незачем взвешивать, в каких ролях — лирических или трагических, сыгранных в театре или кино, — эта современность звучит у Чернова сильнее. Современность неотъемлема от него самого, от его человеческой и художественной индивидуальности, и поэтому она — везде, во всем. В том числе и в его Давыдове из фильма «Поднятая целина».

Казалось бы, не существует того мосточка, который можно было бы перекинуть от советских героев к доктору Веннеру («Юпитер смеется» Кровина), — друг друга они как будто отрицают. И мрачный скепсис Веннера, и эта страдальческая, до ожесточения, озлобленность и затравленность — будто он находится в круговой — от всех и вся — обороне, и цинизм, и горечь неверия... Неверие! Да, во все, кроме одного, — своего дела. И апатия сменяется неистовостью истинного ученого.

Так неожиданно оказывается: и у этого человека есть идея, которая его ведет, которая для него — единственная, наиважнейшая. Без нее он себя не мыслит. Поступить ей невозможно. Это свято, это и есть цель жизни, ее смысл, ее идеал. Идеализм существа юного, только-только вступающего в жизнь, естествен, он виден всем. Но надо обладать даром художественного прозрения, чтобы выявить, подчеркнуть тягу к идеалу в человеке, пожившем и изверившемся. Актер отыскивает в своем герое истинное, человеческое.

Так перекидывается мосточек...

Пьесы разных стран и авторов. Герои нескольких судеб и характеров. Но все это — люди большой идеи, большого чувства. Одержимость одной мыслью или страстью одухотворяет их жизнь, придает ей такой многозначительный характер! Актер все время «доказывает» одну истину, которая для него непреложное аксиомы: «хорошесть» человека, его веру в торжество высших общественных и нравственных принципов. Исполнен светлым чувством — надеждой на настоящую, трудовую, честную жизнь — вор Васька («На дне» Горького), каким его играет Чернов. Как свеча, горит самоотреченной, всепоглощающей любовью его Гаврила («Горячее сердце» Островского). И классический образ сразу приобретает живой, сегодняшний интерес: актер утверждает справедливость, правду, как высший критерий ценности человека, а прекрасное — как норму жизни.

Устремленность своих героев, окрыляющую их идею Чернов выражает в форме ничуть не жодульной: никакой позы, все как будто очень обыденно. Но никогда не прозябанно. Потому что актер зажигает в них трепетно-эмоциональную искорку поэтического отношения к миру.

Актеров способных в нашем театре достаточно. Но выразить свое время дано только немногим. Высшее счастье художника — не в этом ли?

В. ЛЕВИТИНА.